

АРКТИКА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО КИНОДОКУМЕНТАЛИСТА

Введение

Когда нашу команду документалистов пригласили превращать полярное в популярное, Арктика рисовалась местом брутальным, малодоступным и таинственным...

О, Север! Суровое царство льдов, страна тайги и камней.

Замерзнув, земля не хранит следов, не помнит, кто шел по ней...

Так оно впоследствии и оказалось.

Да и наш путь к детальному киноисследованию Арктики оказался непрост.

Встречая съемочную группу, матерые полярники усмехались, щедро угощали баснями и внимательно вглядывались в лица, почти не слушая вопросов. «Иди, журналистик, пиши свою передачу. Таких тут вас много бывает – поверхностных и несерьезных. Бывай здоров!»

Пришлось нам отслужить «срочную службу» в высоких широтах. Отпахать несколько лет в «полярных университетах». Сделать и сдать «курсовые работы» местным авторитетам и старейшинам. Чтобы признали за своих: проверили, поверили и приоткрыли дверь в мир серьезных арктических процессов – в истории и экономике, на шельфе и островах, в постройке судов и разных увлекательных науках.

Обстоятельность и неторопливость полярного мира и сегодня выглядит вызывающим контрастом постоянно возрастающей динамике повседневности. Привыкнуть, что Арктика – это всегда долго, дорого и непредсказуемо, оказалось не просто, но необходимо. Нам выпал счастливый билет – обеспечить будущие киносеансы увлекательными событиями, которые происходят на этих бескрайних белых просторах. По нашему проекту нельзя сделать универсальные выводы – серия фильмов «Время поляр-

ных стран» в большей части связана с экономикой, наукой и технологиями. Однако некоторые любопытные наблюдения, вероятно, заинтересуют читателя.

Каждой эпохе – свое кино

В те далекие времена, когда Арктику сравнивали с космосом, этот регион представляли документальными докладами о суровых героях, работающих на трассах Северного морского пути, на архипелагах и побережье Ледовитого океана – эпические картины вечных льдов, возвышенная тональность рассказов о первопроходцах и покорении неизведанного, далекого и недоступного – с обязательной символикой СССР. На экраны своевременно выходили фильмы и о фундаментальных арктических исследованиях, и о ландшафтах, и флоре и фауне Заполярья, и о национальных обрядах коренных и малочисленных народов, ведущих свою кочевую и морзвербойную деятельность со времен легендарных.

Четверть века назад концепция документальных фильмов изменилась с исследовательской на расследовательскую. Вошел в моду «другой» Север, вдруг оказавшийся «крайним» для нашей огромной страны. Кинематографистами были востребованы брошенная экономика, плохая экология, бюджетные хищения, беспробудное пьянство всех и повсюду – вот почти исчерпывающий перечень документальной картинки, с энтузиазмом вскрывавшей ранее закрытое и запрещенное. Почти двадцать лет в фильмах и сюжетах на темы Арктики вспоминали о былом и жалели утраченное – считали проданные за рубеж корабли, фиксировали разрушающуюся инфраструктуру Севера и смаковали ценные кадры разрезания стратегических подводных лодок с ракетами.

Потом Арктика стала как будто ближе и доступнее. Кроме местных старожилов – научных специалистов, моряков, летчиков, промышленников и военных – в полярные широты забрались похитители мамонтовой кости, исследователи разного абандона («мертвых дорог», поселков, лагпунктов, «забытых цивилизаций»), геокэшеры, автостопщики, дауншифтеры и организованные туристы, поддержавшие чахнувший одно время российский атомный флот регулярными заказами на путешествия к Северному полюсу и на архипелаг ЗФИ с его неугомонными птичьими

Дрейфующая полярная станция СП-37 докладывает обстановку.

базарами и фантастическими пейзажами. В Арктику постепенно проникли и рыночные отношения, и новые технологии транспорта и связи. Они-то и заставили переосмыслить процессы, происходящие в регионе. Востребованным оказалось прагматичное и деловое документальное кино. По-арктически – красивое, по-северному – лиричное, по-научному – точное и познавательное. Это сочетание «физики» и «лирики» стало требованием сегодняшнего времени. Почему?

Технологии документальной правды

В экстремальных условиях Севера цена выявленных недоработок и неточностей кратно возрастает. Поэтому в суровой Арктике – устойчивый спрос на суровую, но правду. Содержание документальных фильмов обязано быть достоверно, наверняка и перепроверено. А если без выдумки не обойтись, фантазии приветствуются обоснованные, не оторванные от реальности и естественности. И поскольку в Арктике ценят подлинность, в первую очередь здесь востребован «метод киноправды» – документальное фиксирование процессов, «как есть»: в ландшафтах, в состояниях, в людях, в проблемах. Этот метод позволяет заглянуть из настоящего в прошлое и, опираясь на тренды, тенденции и прогнозы, прозондировать возможное будущее.

Кстати, будущее в Арктике традиционно встречают с надеждой – одним из неофициальных гимнов полярников до сих пор сохраняется та самая, пахмутовская, «Надежда»...

Что же удалось понять нам?

Во-первых, документальная Арктика нуждается в минимальных пояснениях: чаще оказывается, что авторские слова – лишние, «картинка» говорит больше.

Во-вторых, удачный эффект масштаба дают интервальные съемки, фиксирующие движения не только в природе (в атмосфере, гидросфере, биосфере, гляциосфере), но и в технологических процессах – на промышленных производствах или морском транспорте. «Сжимаемая» и «разжимаемая» время, эта технология задает динамику неторопливым изменениям, почти неосязаемым глазом – от микроуровня съемки на точке в конкретном ландшафте до уровня ближнего космоса, откуда совершаются снимки арктического региона. Составленные в динамику точного, сезонного или годового цикла изменений, они позволяют наглядно фиксировать, например, миграции ледовых полей или круговорот атмосферных фронтов.

В-третьих, события, происходящие в Арктике, требуется оценивать «по-гумилевски» – «из мышиной норы, с невысокой горы и с высоты птичьего полета». То есть, чтобы увидеть состояние лесного массива, обязательно нужно отлететь от конкретного листочка на достаточное расстояние – пространственное или временное. Сопоставление локальных процессов с глобальными рамками региона позволяет установить координаты и сориентироваться в любой арктической теме – научной, инфраструктурной или социальной.

В-четвертых, категорически обязателен опыт личного присутствия. Создание киноправды «по мо-

тивам публикаций» не гарантирует необходимой достоверности: любое событие в арктическом регионе почти всегда имеет полярные оценки, и находить баланс между суждениями оказывается не так просто.

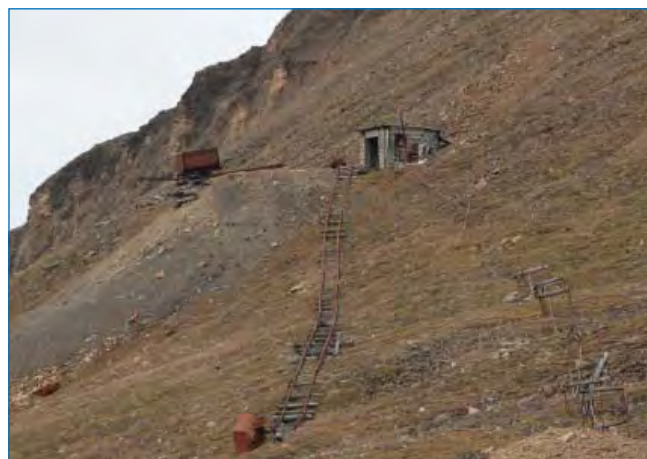
В-пятых, исследовательский этап любого серьезного арктического вопроса ведет извилистым маршрутом. Как в рыболовной сети, в Арктике нет «главной ячейки» или «центральной веревки» – зато междисциплинарные, межотраслевые связи очень крепки. Задав однажды вопрос в научном кабинете, в поисках ответа на него можно провести не одну неделю – на заводах, в конструкторских бюро, в отраслевых институтах. На пути к ответу наверняка будет встречена не одна переадресация – в другой город, в другую страну и даже в неясную высокоширотную даль, где в длительной экспедиции проводит исследования единственный эксперт по какому-нибудь узкоспециальному вопросу. По нашему опыту, арктический документалист вынужден свободно ориентироваться в аббревиатурах, офисах и бесконечных структурных изменениях государственных министерств и частных компаний. Он отважно ныряет в пучину, состоящую из слов ААНИИ, ГОИ и ЦНИИМФ, ФГУП «Атомфлот», «Новатэк» и СМЛОП «Варандей», ОСК, ГМСС... – чтобы по частям собрать мозаику из энергичных, но чрезвычайно занятых людей, живых идей, механизмов реализации разных арктических проектов. В целях создания фильма документалист ищет союзников и противников, крепких хозяйственников и неуверенных чиновников, остроумных журналистов и немногословных промышленников...

Свои ответы на возникающие вопросы мы искали в Петербурге и Москве, в Дудинке и Мурманске, в Тикси и Архангельске, в Баренцбурге и Бремене, в Черчилле и Номе, в Хаммерфесте и Порт-Саиде, в посольстве Канады и штаб-квартире НАСА, на НЭС «Академик Федоров» и полярных станциях, в кабинах пилотов и в территориальных управлениях гидрометсети, в погранслужбе и Минэкономразвития и т.д. и т.п. Ищем и сейчас.

Галопом по Арктике, или Живые примеры...

... Два года назад мы, «как есть», инвентаризировали Шпицберген – удивительный мир острокопанных гор и угольных разработок. Успели попасть туда в то самое время, когда промышленная добыча

Вход в заброшенную угольную шахту на окраине Баренцбурга.

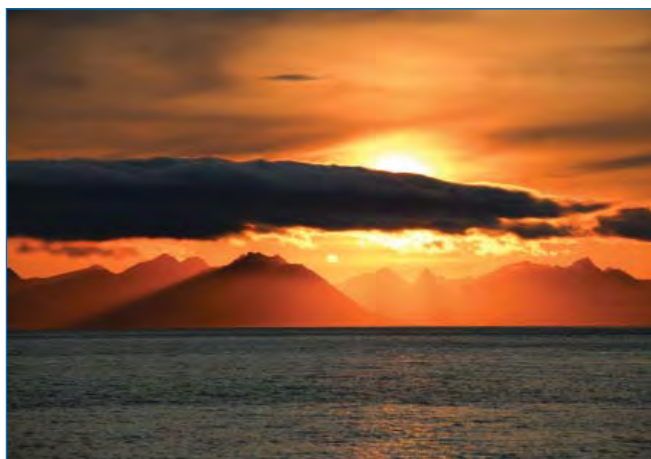
арктического угля вступила в фазу своего логичного завершения. Ей на смену как раз заступала другая «добыча» – знаний и впечатлений.

С опозданием лет на пятнадцать здесь, в Баренцбурге, начали строить российский научный центр, который займется фундаментальными исследованиями высоких широт «под боком» Полюса – будет фиксировать «меню», которое предлагает арктическая «кухня погоды», и подготовит новых сотрудников для полярных компаний и северных регионов.

В свою очередь туристические маршруты органично включили в оборот индустриальные «страшилки» шахтерских поселков – Баренцбурга, Пирамиды и Груманта. Призраки прошлого оказались ходовым товаром для настоящего и будущего. А сам Шпицберген погружает любого вновь прибывшего в свою «машину времени» и щедро делится такими состояниями природы, за которые вертолетчик и поэт Вадим Базыкин назвал его «северным филиалом Божьего рая». Другой авиатор, командир отряда, работающего с государственным трестом «Арктиуголь», Николай Киреев, свои эмоции выразил так: «Шпицберген – это сказка. Он не бывает некрасив. Над ним летишь – как будто кино смотришь: в каждом фьорде своя климат, своя красота. На юге, где Гольфстрим, одна природа, на севере, где вечные льды, – другая. В апреле это просто сахарная страна: все искрится, переливается. В августе горы похожи на Таджикистан, а полярной ночью – полная темнота и покой такой, что чувствуешь себя не летчиком, а космонавтом».

Здесь добавить нечего – на Шпицбергене нужно снимать, снимать и снимать. Востребовано документальное кино на темы, связанные с историей и подробной географией этого необычного архипелага, с внедрением технологий работы с индустриальными ландшафтами, с развитием научных сервисов, с подготовкой специалистов, способных работать на стыке арктических дисциплин, а также с рекреационным туризмом. Интересны и кинодокументы, освещающие появление новых бизнес-проектов в уникальных условиях этой безвизовой территории и обеспечение их деятельности российским дипломатическим ведомством. Которое, как почти любое российское ведомство, традиционно не спешит ничего обеспечивать. И это поведение – тоже тема отдельного репортажа...

Закат на Грэн-фьорде.

Передвигаясь с запада Арктики на ее восток, мы задались вопросом – когда и при каких условиях Северный морской путь вернет авансы отечественным и зарубежным полярным пророкам и наконец станет стратегической деловой трассой для мирового товарного потока? Нам удалось пройти из Европы в Азию – от Роттердама до Шанхая – на новых контейнеровозах и танкерах. Тем самым лично убедиться в существовании и вполне реальных перспективах этого инфраструктурного проекта. Поблагодарим «Норильский никель» и «Совкомфлот» – именно эти компании первыми в России заявили моду на корабли усиленных ледовых классов, оснащенные азиподными двигателями, и построили новый арктический флот. Эти суда способны самостоятельно передвигаться в сложных ледовых условиях, ранее недоступных коммерческому транспорту. С появлением новых технологий окно навигации по трассам Северного морского пути оказалось расширено. Сначала – на западном участке. А после того, как на побережье Ледовитого океана и арктический шельф вышли нефтегазовые компании, на севере Сибири начал формироваться источник нового грузопотока. Это заставило выстраивать схемы проводки между Европой и Азией крупнотоннажных – водоизмещением до 160 000 тонн – кораблей, никогда еще не проходивших высокоширотными маршрутами вдоль берегов России.

В 2010–2011 годах пробные рейсы были проведены и оказались успешными для современных «пионеров Севера». Льды русской Арктики транзитом с запада на восток и обратно прошли корабли под разными флагами. Сэкономили время и деньги. В сопровождении атомных ледоколов и без такового. И мы документально фиксируем реальность с бортов – рубим торосы, пробираемся в разводьях мимо огромных ледовых полей, устремляем объектив в ионосферу где-то в море Лаптевых и одновременно подымаем архивы – изучаем историю вопроса, наблюдаем за изменениями источников грузопотока, цитируем классиков ледовых исследований, северного судостроения и стратегического взгляда на развитие Арктики. Выясняем, что восемьдесят лет назад белое и пустынное пространство меньше чем за десятилетие было превращено в регулярно действующую, оживленную магистраль. За считанные годы развернута необходимая инфраструктура – коммуникации, связь, метеорологические и «топливозаправочные» станции, налажены ледовая разведка и гидрографическая служба... Восемьдесят лет спустя – другие технологии, другие инженерные решения, другие объемы перевозок, другие параметры кораблей. Но принципы – принципы остаются те же. Мысли, сформулированные российскими и зарубежными специалистами десятилетия назад, оказываются научно-обоснованными прогнозами, слегка опередившими свое время. Говорим «спасибо» нашим «разведчикам будущего» и выводим Северный морской путь на мировой рынок грузоперевозок – к геоэкономической аналитике и глобальной картографии мирового хозяйства. Выдержит ли российская полярная магистраль конкуренцию с традиционными маршрутами? Как будет устроен международный

Атомный ледокол «Россия»: что там внутри?

Я знал его. Вернее – видел. Встречался в узких коридорах корабля. Здоровался в столовой. Перебросился парой фраз на палубе. Вместе на «Сомове» мы дошли до Земли Франца-Иосифа. Он остался там работать. И вот, спустя месяц, с опозданием, я узнал:

«Белый медведь насмерть загрыз метеоролога Михаила Ерёмкина на гидрометеостанции им. Кренкеля (остров Хейса, ЗФИ)».

«Примерно через месяц тело погибшего в Архангельск доставит научно-исследовательское судно «Михаил Сомов» (данные информационных агентств)».

вый индустриальный трэш, а кто-то заинтересуется увлекательной топонимикой географических названий – Хейс, Визе, Врангель, Норденшельд, Сибиряков – кто они, откуда? В материковой части внимание привлекут контраст промышленных районов и заповедных мест, бородатые полярники и молодые иммигранты, страдающие сегодня от недостатка романтики. Несмотря на кажущуюся застылость, в Арктике много движения – льды, течения, атмосферные фронты, стада оленей, стаи перелетных птиц, корабли, времена года, полярные сияния, потоки газа и нефти, команды вахтовиков – настоящий калейдоскоп событий. Хорошая оптика, надежная техника, устойчивая к морозу, вибрации, влажности и песку, – и можно отправляться в путь, фиксировать реальность.

Впечатления дилетанта, или «Как я провел это лето...»

Лето 2011 года часть нашей команды провела в обследовании состояния береговых и островных баз сети Росгидромета в Центральной Арктике. Впечатления одного из участников съемочной экспедиции, что называется, «без купюр», мы сознательно решили вынести в финал этой во многом аналитической, обобщающей статьи. Наш товарищ, режиссер-документалист, новичок полярных съемочных экспедиций, возвращает в суровую арктическую стихию и от первого лица свидетельствует о своем «кризисе» на борту старенького НЭС «Михаил Сомов».

Так что, как ни крути, а самым главным моим впечатлением от Арктики стала ужасная гибель участника нашей экспедиции.

Говорят, он пошел готовить обычный запуск метеозонда. Мы снимали такой запуск (но не с Михаилом) в начале августа. Огромный белый шар, аккуратно выведенный «за ручку» метеорологом из холодного ангара, трепетал на ветру, морщился, менял форму, словно «последний выдох господина ПЖ». А потом быстро набрал высоту и – исчез. Снять удачно не получилось. Схожесть с фильмом Даниели усилилась, когда мы вышли на берег, к старому аэродрому. Разбитый пепеластер-самолет, десятки тысяч ржавых бочек, огромные цистерны, гниющая техника. А может, это было похоже больше не на «Кин-Дза-Дза», а на «Сталкер» Тарковского?

Тремя днями раньше на острове Визе мы вместе входили в комплекс зданий бывшей воинской части, кажется, ПВО. И первая же дверь открыла выцветший плакат на стене: «Спартак – чемпион СССР 1991 года». В мыльнице лежало мыло. В стаканчике – зубные щетки. На полках библиотеки стояли книги. На столе аккуратно горкой – пачки дефицитного чая «со сломом». Советские газеты. Какие-то приборы. Детали в промасленной бумаге. Было ощущение, что люди ушли только что. Листья огромного фикуса осыпались желтым прахом, когда я до них дотронулся. В Арктике все процессы замедленны, в том числе и коррозии, и гниения. Позже мы стояли среди ржавых бочек в ожидании вертолета и постоянно озирались, высматривая белых медведей. В кармане у меня лежал пускач и 15 выстрелов «охотничьего сигнала». Но, как сказал капитан, – это вещь практически бесполезная против самого крупного хищника на Земле.

Патроны эти нам посоветовали купить еще в Архангельске. Вообще, купили мы там немало. В каюте на «Михаиле Сомове» не было ни полок, ни крючков, ни замка на двери, ничего из тех мелочей, что делают быт путешественника удобным. Только кровати, старые матрасы и столы. «Сомов» долгих 4 дня стоял у причала в Архангельске, и липкая влажная жара согревала нас. По слухам, залили некачественный керосин для вертолета. Я с сожалением подумал, что и до обеспечения ежегодной арктической экспедиции уже

«Михаил Сомов» в рейсе обеспечения удаленных станций.

добрались метастазы наживы. Может, поэтому и ракеты наши стали падать чаще?

Полтора годами раньше мне уже довелось черпнуть немного «северов». Снимали кино в Белом море, на красавце-ледоколе «Вайгач». Огромный светящийся город. Скандинавская практичность: ковры, лифты, нержавейка, огромный машинный зал, бассейн, спортзал, сауна, постоянно работающий душ, туалет в каюте, удобная мебель. И полное отсутствие видимой вибрации – идем или стоим, в открытой воде или во льду – понять или ощутить было невозможно. На мостике, от капитана Свиридова, я с удивлением узнал, что по прямой во льду никто в Арктике специально не ходит, даже атомные ледоколы. Есть локаторы – и ледовые поля можно обходить. Обходил ледокол и большие стада тюленей. И только отдельные дурачки, уползавшие от корабля вперед, а не вбок, становились невинными жертвами. Конечно, опыт на «Вайгаче» сильно «подпортил» мои представления о том, какими должны быть корабли полярных морей, и о «Михаиле Сомове», в частности.

С опозданием на четверо суток «Сомов» вышел в Мезенскую губу, и сразу стало холодно. А наутро солнце скрылось за облаками, и появилось за полтора месяца всего лишь на один день. Но нам, питерцам, не привыкать. Вообще, эта экспедиция приучила меня к тому, что в Арктике ничего нельзя планировать. График и план перемещения судна – или «ротация», как его называют, – менялись постоянно. В Тикси мы провели четверо суток (двое на судне, двое в аэропорту) из-за тумана. И когда самолет наконец взлетел, ему пришлось пробить двойной слой облаков, прежде чем блеснуло солнце.

В самолете я подумал, что до экспедиции Арктика в моем воображении была огромной, безрадостной заснеженной страной. Страной с глыбами льда, вечной промозглой поземкой, с завываниями пурги. На поверку она оказалась вовсе не такой. Уже в конце рейса возникло желание возвратиться сюда снова. Арктика почему-то очаровывает, затягивает, живет в воспоминаниях. И это странно. Ибо все там, казалось бы, таково, что должно сразу отбить у новичка желание возвращаться в просторы туманов и холода.

В Арктике почти нет случайных людей. И вся она похожа на большую деревню, где все друг друга знают или слышали, хотя расстояния огромны и не слишком хорошо со связью, а тем более с Интернетом. И в этом мире суровых и не всегда бородатых мужчин встречаются нежные молодые девушки, как принято говорить, «прямо со школьной скамьи». Что делают они здесь? На одной из станций на целый год остались две девушки и двое мужиков. Пусть у них все будет хорошо...

Режим на корабле вовсе не способствует похудению, скорее наоборот. Четырехразовое обильное питание, сонливое высокоширотное, вынужденное безделье в долгих переходах. Такого количества фильмов в городе я не смог бы просмотреть и за пару лет! Читали книги. Оформляли с отцом Дмитрием Лукьяновым корабельный музей. Священник в Арктике – явление сверхуни-

Высокие широты: как устроена жизнь?

кальное. Их всего-то двое на всю бескрайнюю страну холода: отец Агафангел помог нам в Тикси с ночлегом. Слава Богу, причащались регулярно, каждое воскресенье. Маленькие мирские радости рейса – малосоленая рыба с полярных станций да пиво в знаменитой корабельной лавке «Омут»...

Холодно не было. Впрочем, почти не было и льда. Арктика стремительно теплеет. Отдельные поля попались на пути только у острова Визе. А ледники и айсберги ЗФИ заставляли

беспрерывно щелкать затвором фотоаппарата.

Главный ресурс Арктики – это, конечно, люди. Каждый из тех, с кем нам посчастливилось встретиться, – и капитан, и начальники полярных станций, и связисты, и вертолетчики, и начальник экспедиции, и миссионер-священник – все они имеют свою неповторимую судьбу. И каждый из них мог бы стать героем неплохого документального фильма. И у каждого, как теперь и у нас, есть свой ответ, почему так тянет обратно в Арктику...

Из таких компонентов, как видится нашей команде кинопроекта «Время полярных стран», складывается документальный арктический киноязык. Язык фактов и образов, который позволит раскрыть многочисленные грани этого, вроде бы застывшего во льдах, региона. Эти и многие другие истории – только прикоснись к Арктике – ждут своего киноисследователя. Да, арктический документалист обязан стать полярным исследователем, пропустить «через себя» опыт предшественников и самые разные точки зрения – и все-таки избежать вторичности в выводах. Ведь арктические фильмы адресованы тем, кто планирует работать и зарабатывать в России. Тем, кто изобретателен, решителен и хваток. Тем, кто не тратит время на критику других народов, у которых «все ладится» за счет их «бездуховности». Тем, кто при циничной жизни современника не утратил тягу к доброму, чистому и неизведанному. Тем, кто понимает, что великим прошлым сыт не будешь. Тем, кто видит, что в нашей стране надо не только продолжать дело предков, но и начинать свое. Например, в Арктике. А это – благодарная аудитория.

Автор выражает признательность за сотрудничество и помощь в написании статьи своим коллегам по кинопроекту «Время полярных стран» В.А.Мурашкину, И.В.Иванову, М.Ю.Константинову и Я.В.Фомичеву.

Собственные фотоматериалы и инфографика предоставлены для данной публикации создателями проекта «Время полярных стран» www.arcticfilm.ru и дружественным ресурсом www.info-step.ru.

*И.А.Сидельников
(кинопроект «Время полярных стран»)
Иллюстрации предоставлены автором.*